

Людмила Улицкая: Но какие зато в России женщины!

Одним из главных событий XXVI книжной ярмарки стала презентация книги «Детство 45—53: А завтра будет счастье».

Сильных мира сего сразу видеть. Даже на книжной ярмарке, где демонстрация силы, казалось бы, не главное. Но генерального директора «Эксмо» господина Новикова понять можно. Только он начал рассказывать про новый «социально значимый» проект издательства «Хочу познакомиться с умным» (в рекламном ролике красивые девушки с красивыми ногами томно смотрят вдаль, задумчиво листают книгу, всем видом призывая читающего принца), как был подавлен певцом со стенда издательского дома «Звонница», взывшего про «Яблони в цвету» на полную мощь динамиков. Вот эти-то динамики и сбил ударом ноги главный книжный монополист. И я, быстро пройдя стадии возмущения сначала дурацкими яблонями, потом ошеломительной расправой над ними, смогла дослушать Людмилу Улицкую, на стенде АСТ представлявшую книгу «Детство 45—53: А завтра будет счастье».

Это — потрясающий итог конкурса «После Великой Победы», задуманного Редакцией Елены Шубиной вслед книги Улицкой «Детство-49». На издательский адрес пришло больше тысячи писем с воспоминаниями, из которых Людмила Евгеньевна выбрала те, что добавляют знаний о времени, народном характере, «бесконечно терпеливом, мужественном и милосердном», о природе «всегда бесчеловечной и циничной» власти. Выяснилось, что борьба добра и зла на персональном уровне волнует многих: всего за две недели продано 25 тысяч экземпляров, и читатели просят издателей не оставлять усилий: сложить историю страны из историй отдельных людей, ведь разделенное с потомками знание о жизни — лучшая форма изучения истории.

Обсуждение книги мы продолжили после того, как Улицкая подарила больше сотни автографов благодарным читателям.

— Если главную эмоцию 30-х можно охарактеризовать словом «страх», то какое слово вы бы подобрали к периоду 1947—1953 годов?

— Вы сразу даете мне подсказку? Да, страх! Тот же самый страх. А вот то, что вы вместо цифры 45 поставили 47, это правильно. В первые годы после войны были живы в людях надежды, что жизнь станет лучше и «мягче», что ли. Но никакого поворота в политике не произошло. Пришедшие с войны солдаты, увидевшие

жизнь Европы — разоренной и обескровленной, — обнаружили, что жизнь победителей в мирное время была по всем материальным показателям хуже, чем жизнь побежденных.

В этот же период государство жестоко разделалось с инвалидами — Валаамские поселки спецпереселенцев забыть нельзя не только тем, кто видел их, но и тем, кто только слышал об этом. В 47-м случился тяжелый недород, были большие поставки зерна за границу, начался очередной голод. Многие вспоминают об этом в книге. Конечно, он несравним по масштабу с голодомором в Украине в 1932—1933 годах, но тоже охватил большие территории.

Для страха у частного человека основания были весьма большие: массовых арестов в эту пору не было, но за анекдот, за неаккуратное слово, просто по доносу — сажали предостаточно.

— Почему вы все время возвращаетесь в советские годы? Ведь учиться на ошибках прошлого молодые не хотят, а пожилые живут по логике «Раньше было лучше».

— Наверное, может сложиться впечатление, что я все хочу ткнуть котят носом в лужу. Если молодое поколение этого вкуса страха, подлости, унижения человеческого достоинства не почует, то снова попадет в то же место, откуда мы ушли. Только не говорите, что это борьба с ветряными мельницами. Это борьба с железными мельницами, которые готовы перемолотить новую жатву. «Проба пера» уже произошла — Болотная площадь.

— Что в этих рассказах было для вас новым — с исторической, психологической точек зрения?

— Это была встряска. Мне казалось, что я очень много об этом знаю. Оказалось, далеко не все. Первое, что меня поразило, — великодушные памяти о детстве: человек описывает ужасную, голодную, холодную, полную лишений жизнь, а в конце письма: какое счастливое было детство! Это заставило меня даже посмотреть несколько книг о философии и физиологии памяти. Очень интересно!

Поразила меня и шкала, огромный размах человеческих душ, невероятная, безмерная доброта и столь же невероятная гнусность человеческой природы. Я рада, что не отказалась от этой работы. Проект был издательский, придумали его сотрудники издательства АСТ Елена Шубина и Владимир Чернец; и могу сказать, что им досталась львиная доля работы; и мы много обсуждали, спорили иногда, а потом подбирали фотографии, — спасибо обществу «Мемориал», «РИА Новости» и всем, кто дал нам иллюстративный материал. Обложку сделала подруга, дочь моей покойной подруги, Мария Чепайтите, просто на моем обеденном столе сшила из лоскутков. Книга-то действительно получилась «народная» — во многих отношениях.

— А как она может послужить народу?

— Сегодня, после нескольких очень хороших встреч с читателями, мне кажется, что она может стать толчком к обновлению, к восстановлению семейной памяти. Ведь память историческая в основе своей складывается именно из суммы памяти многих людей поколения, и в стране, где существует семейная память, нет проблемы написания нового учебника истории. А чего его переписывать? Если каждый точно знает — именно из истории своей семьи, — как у одного деда зерно подчистую забирали, а другой дед в это время в ЧОНе служил; как один дядя погиб на фронте, а другой попал в плен, а потом уж в сталинский лагерь, там и сгинул... Словом, один сидел — другой сторожил. Мой дед строил Магнитку, отец поднимал целину, а мама и ее сослуживцы из Института генетики или химфизики Академии наук копали картошку. А теперь этот вопрос решен, картошку привозят из Израиля (это самый смешной еврейский анекдот!), а Академию наук решено уничтожить административным способом. И всё это — наша история, и не надо нам ее переписывать каждое десятилетие.

— Из этих рассказов видно, что в России даже во время войны жизнь женщины тяжелее мужской. Почему так?

— Да. В этом вопросе содержится также ответ на другой вопрос: почему феминизм так плохо прививался в России? Женщины тех лет могли только мечтать о том, чтобы заниматься исключительно женскими делами — детьми, кухней, семейным очагом. Женщинам дали избирательное право и отняли возможность варить суп и воспитывать детей. Неработающая женщина считалась иждивенкой.

Мужчинам было тяжело пережить войну, женщинам — еще тяжелее. А уж про женщин на фронте и говорить не будем — это ад. Это была эмансипация по-русски: работа женщин на военных заводах, на рудниках, на строительстве железных дорог. Но какие в России женщины! Во-первых, они в нравственном отношении

гораздо лучше наших мужчин. Цифр не приведу, но я думаю, что со мной спорить особенно не будут. Они свободнее, чем их мужья. И мне иногда кажется, что новое поколение женщин (оно мне очень нравится) не только не уступает по всяким качествам, в том числе деловым, своим мужьям, но часто превосходят их. Словом, я за женщин! В сложившейся идиотской медийной ситуации я вынуждена отметить, что к сексуальному меньшинству не принадлежу, хотя своих подруг, дорогих, прекрасных помощниц и учителей жизни, очень люблю. Мне кажется, что таких женщин, как в России, больше нет нигде. Но тут, возможно, я в плену иллюзий.

— Вы, как генетик, полагаете, что равноправие полов, за которое ратуют повсеместно, оправданно с точки зрения природы?

— Есть такие сомнительные или требующие расшифровки понятия, которыми пользуются совершенно бездумно, — справедливость, равноправие, демократия. А все такие большие понятия требуют корректировки. Они как будто слегка разбалтываются от долгого употребления. Равноправие полов может быть только юридическим. То есть голосовать — да, пойдём вместе, и женский голос будет равен мужскому. Есть такие права, на которые могут рассчитывать все люди вне зависимости от пола, а есть такие, которые разрабатываются только для женщин: отпуск по беременности, социальная помощь женщине во время кормления, более длинные отпуска.

Генетической точки зрения я тут вообще не вижу — здесь проблема цивилизационная, Восток и Запад (условно!) разрешают проблему эту разным образом. Прежде я считала, что на Востоке женщиной быть ужасно. Но я несколько раз беседовала с мусульманками и теперь знаю, что многие из них вполне довольны своим положением.

— Еще из романа «Медя и ее дети» явствовало, что для вас семья — из высших ценностей. Из новой книги видно, что часто спасала только семья. Сейчас этот институт рушится. Надо ли за него бороться — или неизбежны другие формы сосуществования?

— Институт семьи рушится. Я — за семью. Это говорит человек, дважды разведившийся. Здесь нет никакого противоречия: семья, на мой взгляд, может быть только хорошей. А если она плохая — с ссорами, руганью, закопанной в глубине отношений ненавистью, — пусть ее не будет. Хорошая семья — кроме того, что это счастье, — еще и опора для старых и малых. Ради создания хорошей семьи есть смысл потрудиться, но это не всегда получается.

— Антропологи считают, что происходят изменения в структуре мозга. У нынешних детей постижение мира происходит быстрее и по-другому. Правомерно ли в этой ситуации настаивать на прежних культурных ценностях?

— Вы меня порадовали, сказав, что антропологи считают, что происходят изменения в структуре мозга. А то я часто говорю, что скоро нам предъявят зафиксированные изменения мозга, которые произошли в последние 50 лет. Это маловероятно, но мне хочется так думать. А настаивать ни на чем нельзя — можно попробовать поделиться. Молодые люди могут не захотеть принять наши ценности. У них будут другие. Это все очень интересно.

— «Богатый внутренний мир» перестал быть мерилем человеческой ценности. Польза и выгода поставлены во главу угла, а адаптивность и деловитость стали главными привлекательными качествами. Может ли общество успешно развиваться при таком положении вещей — или без стремления к идеальному нет развития?

— «Богатый внутренний мир» не только перестал быть мерилем человеческой ценности — само это выражение стало непроизносимым. Наверное, это одно из «отработанных» понятий. Так же, как и понятие «идеального». Так бывает в культуре: старое выходит из моды. Это и есть главная черта современного кризиса — он понятийный, а вовсе не экономический. То есть экономический в том числе... Предполагаю, что развитие или обратное развитие (такое понятие тоже существует в биологии) мало зависит от наших соображений. Есть неразрешимые сегодня проблемы: мир не может сократить потребление, а, напротив, наращивает его по всем статьям — от нефти до хлеба; не может справиться с агрессией, которую по аналогии с биологическими понятиями я назвала бы аутогенной, и так далее. Великий английский астроном Мартин Рис давно уже уверяет научное сообщество, что мир едва ли продержится до конца века. Живущие сегодня молодые люди смогут его опровергнуть, если доживут.

Наши родители — поколение молчунов

Когда я слушала ответы Людмилы Евгеньевны на вопросы читателей, то обратила внимание на одну вещь, которая близка, думаю, практически всем людям моего, 70-летнего, возраста. Мы росли под патронатом дедушек и бабушек, которые разговаривали. Дедушки и бабушки наши родились в конце позапрошлого века, и, несмотря на то что нас пугали — «царский режим кровавый», — они не боялись нам рассказывать про то, что было, как было. Хотя им пришлось всего хлебнуть. А родители наши, они — поколение молчунов. Моя мама боялась рассказывать, хотя она не робкого десятка. Но все время говорила: «Юля, об этом не надо говорить. Нет, лучше не надо». Она боялась за мою судьбу. Папа тоже молчал.

Папа прошел всю войну. Прошел штрафбат. В феврале 1945 года освободился из штрафбата в своем офицерском звании, в котором попал туда. Он дома ничего не рассказывал. А знаете, как я узнала кое-что о тех событиях военной истории, в которых он участвовал? Он вернулся с войны инвалидом I группы, с туберкулезом в открытой форме. И его в конце концов списали с работы, запретили работать, отрезали от людей, от общества, и мне кажется, он из-за этого раньше умер. Ему 39 лет не было. Он пил, да, как многие пришедшие с войны. Очень многие пили. Он никогда не ходил в эти всякие президиумы, на торжественные собрания, куда приглашали воевавших. В Буденновске (мы из Буденновска) они собирались на рынке. Там один ларечек был, самый популярный у них, назывался «У Артюшки», продавцом там был армянин Артем. Жены звали это заведение: «Гадюшник». Мама меня посылала туда выручать отца: жен они не очень слушали. Мне лет 11—12, я иду туда, стою в дверях, гипнотизирую папу. Жду, когда обернется и увидит меня. Ждать иногда приходилось долго, я там всего наслушалась.

Они откровенно про все говорили. Про Жукова — человека, который перемесил в войну миллионы жизней. По поводу Жукова были у них большие перепалки. Я услышала о том, какие были у нас «гениальные» генералы и вообще руководители. Узнала, что у них Сталин шел под именем Йоська. Я никак не могла понять. Они говорят: «Йоська, Йоська...» А потом с ужасом — я же была пионеркой — поняла, что это Иосиф Виссарионович Сталин. Просто Йоська, так же как этот Артюшка.

Такие дискуссии были — до драк. Все пьяненькие, какие-то заброшенные. В начале 50-х вояк не очень-то жаловали. А сами они не навязывались. И между собой отводили душу. Инвалиды приезжали на вот этих площадочках на шарикоподшипниках, без рук, без ног. И все заливали дешевым вином свою покалеченную жизнь. Их страшно много умирало. Просто не успевали хоронить. Если бы теперешний ум или понимание — да в те годы!.. Моя бабушка была ходячей энциклопедией. Вот я приду к ней и не спрашиваю, а она все время что-то говорит: «А вот, Юлька, ты знаешь, тогда было то...»

Когда уже ушли бабушка, дедушка, папа умирал от рака легкого, я говорю: «Пап, вот ты сидишь, томишься, делать тебе нечего. Напиши про то, что знаешь, всё напиши». Он что-то писал. Потом, когда умер, я посмотрела, а там: «Я, Онерский Евгений Яковлевич... Родился... Женился». Он написал бумагу в отдел кадров. Я поняла, до какой степени им закомпостировали мозги...

Поэтому, когда я узнала про призыв написать про то, что помню, то посчитала своим долгом это сделать. И всем говорю: скорее расспросите своих стариков — откуда они живы — о том, что с ними, а значит, с нами, было...

Автор: Ольга Тимофеева © Новая газета КУЛЬТУРА, МИР 10711 11.09.2013, 01:19 1319

URL: <https://babr24.com/?ADE=118440> Bytes: 14304 / 14168 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Ольга
Тимофеева.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

